

ГОСУДАРСТВО

Я бы очень желал, чтобы установили премию не 500 франков, а 1 миллион франков с награждением еще крестами и лентами для выдачи их тому, кто дал бы хорошее, простое и вразумительное определение слова *Государство*.

Какую громадную услугу оказал бы он обществу!

Государство! Что это такое? Где оно? Что оно делает? Что должно делать?

То, что мы знаем теперь про него, — это какая-то таинственная личность, которая, наверное, более всех на свете хлопочет, более всех тормозится, более всех завалена работой, с которой более всех советуются, которую более всех обвиняют, к которой чаще всех обращаются и взывают о помощи.

Я не имею чести знать вас, милостивый государь, но готов держать какое хотите пари — один против десяти, что вы в течение уже шести месяцев занимаетесь составлением утопий, и бьюсь об заклад — один против десяти, что исполнение ваших утопий вы возлагаете на *Государство*. А вы, милостивая государыня, я уверен в этом, от всего сердца желаете излечить все страдания бедного человечества и были бы очень рады, если бы *Государство* пришло вам на помощь.

Но, увы, несчастное Государство, подобно Фигаро, не знает, кого слушать, в какую сторону ему повернуться. Сто тысяч голосов из печати и с трибуны кричат ему все разом:

«Организуите труд рабочих!»,
«Искорените эгоизм»,
«Подавите нахальство и тиранию капитала»,
«Сделайте опыты с навозом и яйцами»,
«Избороздите страну железными дорогами»,
«Оросите равнины»,
«Посадите лес в горах»,
«Постройте образцовые фермы»,
«Откройте благоустроенные мастерские»,
«Населите Алжир»,
«Выкормите детей»,
«Обучите юношество»,
«Поддержите старость»,
«Разошлите жителей городов по деревням»,
«Уравновесьте выгоды всех отраслей промышленности»,
«Дайте займы деньги без процентов всякому, кто желает получить»,
«Освободите Италию, Польшу, Венгрию»,
«Обучите верховую лошадь»,
«Поощряйте искусство, дайте нам музыкантов и танцовщиц»,
«Запретите торговлю и заодно создайте нам торговый флот»,
«Отдайте истину и зароните в наши головы семена разума. Назначение *Государства* — просвещать, развивать, расширять, укреплять, одухотворять и освящать душу народов».
«Но, господа, минуту терпения, — жалостно отвечает *Государство*. — Я постараюсь удовлетворить вас,

но для этого мне необходимы некоторые средства. Я заготовило проекты пяти или шести налогов, совсем новых и самых благословенных в мире. Вы увидите сами, с каким удовольствием будут платить их». Но тут поднялся страшный крик: «У-у! Нечего сказать, невелика заслуга сделать что-нибудь на такие средства! К чему же тогда и называться *Государством*? Нет, вы бросьте ваши новые налоги, мы же требуем еще отмены старых налогов. Уничтожьте налог на соль, на напитки, на литературу, патенты, а также поборы».

Среди этого гвалта, после того как страна два или три раза меняла свое *Государство* за то, что оно не удовлетворяло всех ее требований, я хотел бы заметить, что она страдает противоречием. Но, Боже мой, на что я отваживаюсь?! Лучше было бы сохранить мне это замечание про себя.

И вот я навсегда скомпрометирован, теперь все считают меня человеком *без сердца, без души*, сухим философом, индивидуалистом, буржуа — одним словом, экономистом английской или американской школы.

О, простите меня, великие писатели, которые ни перед чем не останавливаются, даже перед противоречиями. Я, конечно, не прав, я охотно отступаю. Я ничего так не желаю, будьте уверены в этом, как если бы вы действительно открыли вне нас существующее благотворительное и неистощимое в своих благодеяниях существо, называемое *Государством*, которое имело бы наготове хлеб для всех ртов, работу для всех рук, капиталы для всех предприятий,

кредит для исправления всех проектов, масло для всех ран, целебный бальзам для всех страданий, советы на случай всяких затруднений, решения по всем сомнениям, истину для всех умов, развлечения от всякой скуки, молоко для детей, вино для старцев, которое предусматривало бы все наши нужды, предупреждало бы все наши желания, удовлетворяло бы пашу любознательность, исправляло бы все паши промахи, все наши ошибки и избавляло бы нас от всякой предусмотрительности, осторожности, проницательности, опытности, порядка, экономии, воздержания и всякого труда.

И почему же мне не желать этого? Ей-богу, чем больше я размышляю об этом, тем больше убеждаюсь, как это было бы удобно для всех, мне же самому хочется поскорее воспользоваться этим неисчерпаемым источником богатства и света, этим универсальным целителем, этой неисчерпаемой сокровищницей, этим непогрешимым советником, которого вы зовете *Государством*.

Вот почему я и прошу, чтобы мне показали, определили его, и вот почему я предлагаю учредить премию для того, кто первый откроет этого

Феникса. Согласитесь же со мной, что это драгоценное открытие еще не сделано, потому что до сих пор все, что являлось под именем *Государства*, народ тотчас же опрокидывал именно за то, что оно не выполняло нескольких противоречивых требований программы.

Говорить ли? Я боюсь, чтобы в этом отношении мы не сделались игрушкой самой странной иллюзии, которая когда-либо овладевала умом человека.

Человеку свойственно иметь отвращение к труду и страданиям, а между тем он обречен самой природой страдать от лишений, если не возьмет на свои плечи всю тягость труда, ему остается только выбрать одно из этих двух зол. Но что надо сделать, чтобы избежать и того и другого? До сих пор он находил для этого только одно средство — пользоваться трудом своего ближнего — и никогда не найдет другого. Надо сделать так, чтобы труд и удовольствие не распределялись между всеми в естественной пропорции, но чтобы весь труд падал на долю одних, а все удовольствия жизни приходились на долю других. Отсюда рабство и хищение, в каком бы виде они ни проявлялись: в виде ли войн, лицемерия, насилия, стеснений, обманов, чудовищных злоупотреблений и т.д., вполне согласны с породившей их мыслью. Должно ненавидеть и бороться с притеснителями, но все-таки нельзя упрекнуть их в том, что они непоследовательны.

С одной стороны, рабство, хвала Господу, отживает свой век. С другой стороны, хотя существующая теперь возможность для каждого защищать свое добро затрудняет всякое прямое и открытое хищение, однако сохраняется еще несчастная первоначальная склонность, присущая всем людям, — делить сложные дары жизни на две части, на одних валить всю тяжесть труда и страданий, а для себя самих сохранять только удовольствия этой жизни. Посмотрим, в какой новой форме проявляется это печальное направление.

Притеснитель не давит теперь притесняемого прямо собственными руками — наша совесть стала

к этому слишком чувствительна. Тиран и его жертва еще существуют, но между ними поместился посредник — *Государство*, т.е. сам закон. Чем, спрашивается, лучше всего можно заглушить укоры совести, а что еще дороже — преодолеть сопротивление? И вот все мы по тому или другому праву, под тем или другим предлогом обращаемся к *Государству*. Мы говорим ему: «Я нахожу, что соотношение между моими радостями жизни и трудом не удовлетворяет меня, и я хотел бы для восстановления желаемого равновесия между ними попользоваться чем-нибудь от благ моего ближнего. Но это небезопасно для меня. Не можете ли вы помочь мне в этом? Не можете ли вы дать мне хорошее место? Или побольше стеснить промышленность моих конкурентов? Или даром ссудить меня капиталами, которые вы отобрали у их владельцев? Или воспитать детей моих на казенный счет? Или выдать мне премию в виде поощрения? Или обеспечить меня, когда мне исполнится 50 лет? Тогда со спокойной совестью я достигну своей цели, потому что за меня будет действовать сам закон, а я буду пользоваться всеми выгодами хищения, ничем не рискуя и не возбуждая ничьего негодования!»

Так как, с одной стороны, очевидно, что все мы обращаемся к *Государству* с подобными требованиями, а с другой стороны, доказано, что *Государство* не может удовлетворить одних, не усилив тягостей других, то в ожидании иного определения *Государства* я позволю себе привести здесь мое мнение. Почем знать, может быть, оно и удостоится премии? Вот оно.

Государство — это громадная фикция, посредством которой все стараются жить за счет всех.

В наше время, как и прежде, каждый в большей или меньшей степени хочет пользоваться трудами ближнего. Никто не позволяет себе явно выражать это чувство, и всякий скрывает его даже от самого себя. Но как же поступают тогда? Выдумывают посредника и обращаются к *Государству*, которому каждый класс общества по очереди говорит так: «Вы, которые законно и честно можете брать, берите у общества, а мы уж поделим». Увы! *Государство* всегда слишком склонно следовать такому адскому совету, так как оно состоит из министров, чиновников и вообще людей, сердцу которых никогда не чуждо желание и которые готовы всегда как можно скорее ухватиться за него, умножить свои богатства и усилить свое влияние. *Государство* быстро соображает, какую выгоду оно может извлечь из возложенной на него общественной роли. Оно станет господином, распорядителем судеб всех и каждого; оно будет много брать, но зато ему и самому много останется: оно умножит число своих агентов, расширит область своих прав и преимуществ, и дело кончится тем, что оно дорастет до подавляющих размеров.

Но что следует хорошенько заметить себе, это поразительное ослепление общества на сей счет. Когда солдаты победоносно и радостно обращали в рабство побежденных, они были, правда, варварами, но не были непоследовательны. Цель их, как и наша, состояла в том, чтобы жить за счет других, но они ни в чем не

противоречили ей. А что мы должны думать о народе, который и не подозревает, что *взаимный грабеж* есть все-таки грабеж, хотя он и взаимный; что он не стал менее преступен потому, что совершается в установленном законом порядке; что он ничего не прибавляет к общему благосостоянию, а, напротив, еще уменьшает его на всю ту сумму, которой стоит ему разорительный посредник, называемый *Государством*?

И эту великую химеру мы начертали в назидание народу на фронте нашей Конституции. Вот первые слова, которыми начинается ее вступление:

«Франция учредила республику для того, чтобы... поднять всех граждан на все возвышающуюся степень нравственности, света и благосостояния».

Следовательно, по этим словам, Франция, т.е. *понятие отвлеченное*, призывает французов, т.е. *действительно существующих людей*, к нравственности, благосостоянию и т.д.

Не значит ли это, по смыслу этой странной иллюзии, ожидать всякого блага не от самих себя, а от чьей-то сторонней энергии? Не указывает ли это на то, что рядом и независимо от французов существует еще какое-то добродетельное, просвещенное и богатое существо, которое может и должно изливать на них свои благодеяния? Не дает ли это право предполагать, и притом без всякой надобности, что между Францией и французами, т.е. между простым, сокращенным и отвлеченным понятием о всех личностях в совокупности и между этими самыми личностями, существуют еще какие-то отношения отца к сыну,

опекуна к опекаемому, учителя к ученику? Кто не знает, что иногда выражаются метафорически и называют родину нежной матерью. Но чтобы доказать воочию всю бессодержательность приведенного положения нашей Конституции, достаточно показать, что оно не только легко, но и с выгодой для здравого смысла может быть выражено в обратной форме. Так пострадала ли бы точность выражения, если б во вступлении было сказано:

«Французы устроились в республику, чтобы призвать Францию на всевозрастающую ступень нравственности, света и благосостояния?»

Какое же значение имеет аксиома, в которой подлежащее и дополнение могут свободно переставляться без ущерба смыслу? Всякий понимает, когда говорят: мать выкормит ребенка, но странно было бы сказать: ребенок выкормит мать.

Американцы иначе понимали отношение граждан к *Государству*, когда в заголовке своей Конституции начертали следующие простые слова:

«Мы, парод Соединенных Штатов, желая образовать более совершенный союз, установить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие, оградить, умножить общее благосостояние и обеспечить блага свободы себе и нашему потомству, постановляем...»

Тут нет ничего химерического, нет никакой *абстракции*, от которой граждане требовали бы себе всего. Они надеются только на себя, на свою собственную энергию.

Если я позволил себе критически отнестись к первым словам нашей Конституции, то не из-за метафизической тонкости, как это можно подумать, а просто потому, что, по моему убеждению, это *лицетворение Государства* служило в прошлом и послужит в будущем обильным источником для всяких бедствий и революций.

И точно, общество с одной стороны, *Государство* — с другой стоят как два различных существа; последнее должно изливать на первое целый поток человеческих радостей, а первое имеет право в изобилии требовать их от последнего. Что должно произойти при этом?

Ведь *Государство* не об одной руке и не может быть таковым. У него две руки — одной брать, а другой раздавать или, иначе, одна тяжелая, а другая легкая рука. Деятельность второй по необходимости подчинена деятельности первой. Строго говоря, *Государство* может брать и не отдавать, что и случилось иногда. Это объясняется пористым и липким свойством обеих рук, в которых всегда удерживается какая-нибудь часть, а иногда и все сполна, до чего только они прикасаются. Но чего никогда не видели, чего никогда никто не увидит и чего даже предположить нельзя — чтобы *Государство* возвращало обществу более, чем сколько оно получило с него. Совершенно безрассудно с нашей стороны то, что мы становимся по отношению к нему в положение каких-то смиренных нищих. Для *Государства*, безусловно, невозможно предоставлять частные выгоды некоторым

лицам без того, чтобы не нанести большого вреда целому обществу.

Очевидно, стало быть, что *Государство* оказывается вследствие наших обрацаемых к нему требований в заколдованном кругу.

Если оно отказывается делать добро, которого от него требуют, то его обвиняют в слабости, нежелании, неспособности. Если оно хочет исполнить это требование, то принуждено давить народ двойными налогами, т.е. делать больше зла, чем добра, и навлечь на себя общее нерасположение с другого конца.

Таким образом, у общества две надежды, у правительства два обещания: *много благ и никаких налогов*. Так как надежды и обещания противоречат друг другу, то они никогда и не осуществляются.

Не в этом ли причина всех наших революций? Между *Государством*, раздающим неисполнимые обещания, и обществом, преисполненным неосуществимых надежд, становятся два класса людей: честолюбцы и утописты. Роль их вполне определяется их положением. Достаточно этим искателям популярности крикнуть народу: «Правительство обманывает тебя; если бы мы были на его месте, то осыпали бы тебя благодеяниями и освободили бы от налогов!» — и народ верит, надеется, делает революцию.

И лишь только друзья его заберут власть в свои руки, как их уже заваливают бесчисленными требованиями об уступках. «Дайте же мое работы, хлеба, пособия, денег, образования, колоний, — кричит народ, — и освободите меня, как вы обещали мне, из когтей казны».

Новое *Государство* смущается не менее прежнего, потому что в отношении невозможного очень легко давать обещания, но нелегко исполнять их. Оно старается выгадать время, которое нужно ему, чтобы вызрели его широкие проекты.

Сначала оно робко делает опыты: с одной стороны, слегка расширяет начальное обучение, с другой — слегка изменяет питейный акциз (1830). Но роковое противоречие всегда стоит перед ним лицом к лицу: коли оно хочет быть филантропом, то поневоле заботится о пополнении казны, а если отказывается от нее, то поневоле отказывается и от филантропии.

Эти два обещания всегда и неизбежно сталкиваются одно с другим. Прибегать к кредиту, т.е. пожирать будущее, составляет теперь единственное действительное средство помирить эти обещания, и вот стараются сделать немного добра в настоящем за счет большого зла в будущем. Но такой прием вызывает призрак банкротства, которое губит кредит. Что же остается делать? Новое *Государство* отважно берется за дело: собирает силы вокруг себя, душит общественное мнение, обращается к произволу, надсмехается над своими же прежними принципами, объявляет во всеуслышание, что управлять можно только при условии быть непопулярным, — короче говоря, оно объявляет себя *всеуправляющим*.

Здесь-то и ждут его другие искатели популярности: они эксплуатируют ту же иллюзию, идут тем же проторенным путем, достигают тех же успехов и вскоре затем поглощаются той же пропастью...

Прочитайте последний манифест монтаньяров, выпущенный ими по поводу выбора президента.

Он, правда, длинноват, но в общем может быть выражен в таких словах: *Государство должно давать гражданам много и брать с них мало*. Это все та же тактика или, если хотите, то же заблуждение.

Государство обязано даром «обучать и воспитывать всех граждан».

Оно обязано:

«Давать общее и профессиональное образование, приноровленное по возможности к нуждам, призванию и способностям гражданина»;

«Вселить в него сознание о его обязанностях по отношению к Богу, к людям и к самому себе; развить его чувства, склонности и способности, наконец, научить его знать свое собственное дело, понимать свои интересы и знать свои права»;

«Сделать для всех доступными науку и искусства, продукты мысли, сокровища ума, все умственные наслаждения, возвышающие и укрепляющие душу»;

«Исправлять всякий вред, претерпеваемый гражданами от пожара, наводнения и пр.»;

«Быть посредником между капиталом и трудом и регулятором кредита»;

«Оказывать серьезное поощрение и действительное покровительство земледелию»;

«Выкупать железные дороги, каналы, рудники» (и, без сомнения, управлять ими с той промышленной способностью, которой оно отличается);

«Вызывать великодушные начинания, поощрять их

и всеми зависящими от него средствами содействовать их исполнению. Как регулятор кредита, оно будет в широких размерах заправлять промышленными и земледельческими ассоциациями ради обеспечения их успехов».

Все это *Государство* должно исполнить, однако без ущерба тем обязанностям, которые теперь лежат на нем. Так, например, оно должно всегда сохранять угрожающий вид перед иностранцами, потому что «мы, — говорят подписавшиеся под этой программой, — связанные этой святой солидарностью и прошлым республиканской Франции, несем наши обеты и наши надежды за преграды, воздвигаемые деспотизмом между народами; прав же, которых мы желаем для себя, желаем мы и для всех, кто страдает под гнетом тиранов; мы хотим, чтобы наша славная армия была в случае надобности также и армией свободы».

Вы видите, что «мягкая рука» *Государства*, эта «добрая» рука, всем дающая и все распределяющая, будет слишком занята во время правления монтаньяров. Вы думаете, может быть, что столько же работы будет и для «жесткой» руки, которая просовывается в наши карманы и опорожняет их?

Разочаруйтесь. Искатели популярности дурно знали бы свое дело, если б не умели выставлять напоказ только «мягкую» руку и прятать другую — «жесткую». Управление их будет сплошным праздником для всех плательщиков.

«Налог, — говорят эти люди, — должен падать только на излишек, а не на предметы необходимости».

Разве не настанет чудное время, когда казна, для того чтобы осыпать нас своими благодеяниями, будет довольствоваться тем, что сократит наши избытки?

Но это еще не все. Монтаньяры помышляют еще и о том, чтобы «налог потерял свой притеснительный характер и был только делом братства.

Силы небесные! Я знал, что теперь в моде всюду совать *братство*, но я и не подозревал, что его можно поставить в заголовке окладного листа сборщика податей.

Разъясняя подробности дела, подписавшиеся под программой возвещают:

«Мы хотим немедленного уничтожения налогов на предметы первой необходимости, как то: соль, напитки и пр.; преобразования поземельного налога, октруа, патентного сбора; дарового правосудия, т.е. упрощения формы и сокращения расходов» (здесь подразумеваются, вероятно, гербовые пошлины).

Итак, поземельный налог, октруа, патентный сбор, гербовые пошлины, соль, напитки, почта — тут ничего не позабыто. Эти господа открыли секрет, как дать *горячую работу* одной «мягкой» руке *Государства* и парализовать его «жесткую» руку.

К вам обращаюсь я теперь, мой беспристрастный читатель, с таким вопросом: разве все это не ребячество, да еще опасное ребячество? Как же народу не делать революций на революциях, когда уже решено не останавливаться до тех пор, пока не осуществится это противоречие — «ничего не давать *Государству*, но получать от него как можно больше»?

Не думают ли, пожалуй, что монтаньяры, достигнув власти, не сделаются жертвами тех же самых способов, которые они употребляют, чтобы овладеть ею?

Граждане! Во все времена были известны две политические системы и обе они опираются на уважительные основания. По одной системе *Государство* должно много давать, но оно должно и много брать. По другой эта его двойственная деятельность не должна давать себя чувствовать. Приходится выбирать одну из этих двух систем. Что же касается третьей системы, состоящей в том, чтобы требовать всего от *Государства*, но ничего не давать ему, то согласитесь, что это химера, нелепость, ребячество, опасное противоречие. Те, кто прикрывается этой системой, чтобы доставить себе удовольствие обвинять все правительства в бессилии и таким образом ставить их прямо под ваши удары, только льстят вам и обманывают вас или, на худой конец, самих себя.

Что касается нас, то мы думаем, что *Государство* есть не что иное (да и не должно быть ничем иным), как *общественная сила*, установленная не для того, чтобы служить гражданам орудием притеснения и взаимного грабежа, а, напротив, для того, чтобы облегчить каждому свое и способствовать царству справедливости и безопасности.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И КОММУНИЗМ

Господину Тьеру

Сударь, не будьте неблагодарны к Февральской революции. Она вас удивила и, быть может, даже оскорбила. Но она обеспечила вам неожиданный триумф как автору, оратору, заслуживающему доверия советнику¹. В числе этих успехов имеется один особой важности. На днях газета «Пресс» писала:

«Ассоциация в защиту национального труда (бывший комитет Мимереля²) направила всем своим корреспондентам и членам циркуляр с уведомлением о том, что открыта подписка в целях распространения на фабриках и в мастерских книги г-на Тьера о собственности. Сама ассоциация подписалась на пять тысяч экземпляров».

Я хотел бы увидеть вас в момент, когда столь лестное объявление попало вам на глаза; должно быть, оно вызвало у вас вспышку радости.

Недаром говорят: пути Господни непреложны и неисповедимы. Если вы дадите мне хоть минуту высказаться (а я скоро выскажусь), чтобы утверждать, что протекционизм, усиливаясь и расширяясь, превращается в коммунизм, подобно тому как крошка-каarp становится огромным карпом, если вообще Бог дарует ему жизнь, то я скажу вам, что весьма странная получается ситуация, когда приверженец протекционизма выступает противником и гонителем

коммунизма. Но еще более странно, а с другой стороны, утешительно, что мощная ассоциация, специально созданная, чтобы теоретически и практически распространять коммунистический принцип (в той мере, в какой она считает его полезным для своих собственных членов), сегодня посвящает половину своих усилий для того, чтобы устранить зло, сотворенное второй половиной ее же усилий.

Повторяю, получается успокоительное зрелище. Оно убеждает нас в неизбежности триумфа истины, поскольку показывает нам истинных и первых проводников и распространителей подрывных доктрин, которые теперь сами испугались своего успеха и готовят противоядие и яд в одной и той же аптечной лавке.

Это предполагает наличие тождественности между коммунистическим принципом и принципом запретительным. Быть может, вы не признаете такой идентичности, хотя, по правде сказать, мне не представляется возможным, чтобы вы, не будучи потрясенным этим обстоятельством, сумели написать четыре сотни страниц о собственности. Видимо, вы полагаете, что мои усилия отстаивать свободу торговли, свободу обмена, все страсти безрезультатного спора, азарт борьбы заставили меня, как это часто бывает с нашим братом полемистом, видеть ошибки и заблуждения моих противников сквозь увеличительное стекло. Да, признаюсь, чтобы нагляднее убедить их в моей правоте, я прибегал к воображению, чтобы несколько раздуть теорию газеты «Монитор эндюстриель» и довести ее до пропорций теории газеты «Попюлет». Но так же

поступают, подчас не ведая и не желая того, крупные предприниматели, почтенные земельные собственники, богатые банкиры, ловкие государственные деятели, когда обрушиваются на инициаторов и апостолов коммунизма у нас во Франции.

А почему бы так не поступать, спрашиваю я вас. Есть немало рабочих, искренне верящих в *право на труд*, а значит невольных и несведущих коммунистов, которые возмутились бы, если бы и в самом деле назвали коммунистами. Дело в том, что во всех классах интерес подминает под себя волю, а воля, как говорил Паскаль, есть главный орган веры. В свете сказанного заметим, что очень многие промышленники — честнейшие люди, между прочим, — придерживаются идей коммунизма, но при неперемennom условии, что подлежит разделу не их, а чья-то еще собственность. Как только они постигают, что сам принцип коммунизма затрагивает и их, они приходят в ужас. Они читали и распространяли «Монитор эндюстриель», теперь читают и распространяют книгу о собственности. Чтобы удивляться этому, надо не знать человеческого сердца, тайных его пружин, не знать, что человек весьма склонен быть ловким казуистом.

Нет, сударь, не в пылу борьбы у меня появился свой взгляд на запретительную доктрину. У меня сначала появился такой взгляд, а потом уже я вступил в борьбу³. Поверьте мне, что некоторое расширение внешней торговли дает тоже некоторый, но не более того, результат, которым, разумеется, не следует

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru